

Алина Рейнгард ЧУЖАЯ РОДНАЯ

Шестнадцать

Повезло мне — не то слово. Родиться в день лотереи.

В принципе, родители всегда говорили, что вроде как и вправду ведь повезло. Ну, если на меня когда-нибудь падёт жребий, я смогу с Земли улететь, вперёд, к лучшей жизни, получить билет в будущее, — так, улыбаясь, говорил папа, — прямо в подарок на день рожденья! Родители вообще всегда объясняли, как круто тем, на кого падает жребий. Ну да, двенадцатилетний контракт — это либо вообще с семьёй не видеться, ведь избранные улетают каждый год на специальном шаттле, — ну или надо отказываться от всех своих отпусков, чтобы на какой-то из двенадцати лет вернуться домой. Ну и, конечно, все эти двенадцать лет с отпусками или одиннадцать без них избранные должны работать — делать новый мир лучше, благоустраивать планету, на которой все возможности нашли, чтобы создать полноценную искусственную атмосферу и построить Новую Землю!

Но тот человек, на которого падает жребий,

может отсюда улететь. Не рисковать — никогда не рисковать, ни за что! Просто знать, что посреди улицы на тебя не нападут. Что нет никакой разницы, сколько человек на улице, день сейчас или ночь, или — а это, наверное, главное, — что твой новый друг не окажется нечистью! Можно жить на планете, на которой, как мне всегда объяснял папа, нет этих вот естественных механизмов контроля над приростом населения. Никто не нападёт, никто не убьёт. Все свои!

Только вот я к подобному никогда не стремилась. Ну зачем? Что мне на другой планете делать? Ну да, тут, конечно, есть угроза. Угроза погибнуть. Потерять себя, родителей, младшего братика — мы же когда-то вот так вот потеряли старшего нашего брата, он просто домой не вернулся. Впрочем, да почти в каждой семье подобная история есть. Люди же уже давно приспособились к жизни в опасном мире, и самое главное — чтобы родные рядом были. Может, меня поэтому и таким старомодным именем называли — Родная. Ну, чтобы я всегда была. Как факт. Чтобы уберечь.

Так что я должна быть! Быть рядом с родителями, а не улетать куда-то там! Говорят, когда-то людей на Земле было куда меньше, и можно было никуда и не улетать — нечисти не было. Природа её просто не создавала, ведь не

нужно было следить за тем, чтобы население Земли не превышало какие-то там нормы. Не понимаю, почему нельзя было как-то ограничить рождаемость, но кто знает, может, нечисть бы всё равно появилась? И тогда население, наверно, просто вымерла бы, ведь людей стало бы тогда совсем мало.

Короче говоря, все первые шестнадцать лет своей жизни — ну, может быть, немножко меньше, ведь я же не с пелёнок начала всё понимать — я радовалась, что дети до шестнадцати в лотерее не участвуют. А теперь, наверно, я буду ждать до шестидесяти шести, ведь последний раз, когда человека вообще касается жеребьёвка — это шестидесятипятилетие, ведь на пенсию старики выходят в семьдесят семь, и нужно, чтобы двенадцать лет контракта до пенсии истекли.

Какое счастье, что сейчас только шесть утра. Все спят. Ну кто меня будет трогать, пока я якобы сплю? Все спят! И те сотрудники руководящих структур, которые проводят лотерею, тоже, наверно, спят. И тот факт, что я проснулась, никого касаться не должен. Ну не должен же! Так почему же у меня в комнате слышен звук дверного звонка?...

Незнакомца в мою комнату проводит заспанная, удивлённая мама. Незнакомец достаточно молод. Я бы даже сказала, что он ещё и

симпатичный, но глаза такие грустные, такие, я бы даже сказала, преисполненные ненависти ко всему свету, что вся эта ненависть никакой симпатии к такому человеку не вызывает, хотя черты лица и явно приятные.

— Родная Алексеевна Ч... — начинает незнакомец, но я перебиваю его:

— Да-да, это я.

— Вы избраны для полёта на Новую Землю, — говорит он спокойным голосом, хотя я вижу по глазам — ненавидит. Вот просто всех. — Поздравляю, ведь у вас есть возможность улететь уже в шестнадцать лет. При желании остаться на Новой Земле по окончании контракта сможете провести там едва ли не всю жизнь.

Мама реагирует мгновенно:

— В следующем году — сообщение обязательно! Брат моей коллеги каждый год домой сообщения присылает!

Чудо-женщина. Ежегодно, чтобы легче было понять, из такого большого города, как наш, улетает всего-то пять человек. И далеко не все они возвращаются — многие решают остаться на Новой Земле навсегда. За двенадцать лет можно и забыть о родне, найти себе новых друзей, семью создать... Кто бы сомневался. Таким образом — как, ну как она всегда находит возможность лично знать кого-то настолько редкого? Брат её коллеги! Я вот

ни одного избранного или его родственников не знаю, не видела, не встречала.

— Разумеется, — говорю, — через год получите от меня поздравление... с моим днём рождения.

— Да, — говорит виновник моего уничтоженного в хлам праздника, — совсем забыл поздравить. Вам же сегодня шестнадцать, Родная.

Вздыхаю. Да. Шестнадцать мне сегодня. Надеюсь, я хотя бы двадцать восемь смогу отметить спокойно, с родственниками, дома...

Никаких сборов. Все вещи будут выданы на месте. Форма одежды на себе — вольная, всё равно вряд ли эта одежда мне понадобится. Братик и папа просыпаются, смотрят на меня, широко раскрыв глаза. Особенно шокирован братик — теперь он не просто лично знает кого-то из избранных, теперь это — его собственная старшая сестра!..

Мама слегка всплакнула, закрывая за нами двери. Папа, в отличие от неё, радостно улыбается:

— Счастливой тебе, Родная, новой жизни на Новой Земле!

И знает ведь, что я этого никогда не хотела...

И всё же правильно делается, впрочем. Переселить всё население Земли на Новую Землю, пока там ничего не отстроено — глупо. Надо и правда понемногу отправлять людей, которые могут работать, строить, готовить территорию. И

то, что ещё во времена детства моих родителей происходила лотерея, ничего не меняет. Ну нет на Земле таких ресурсов, чтобы и вправду много людей улетели одновременно на Новую Землю. Даже шаттл летает туда-обратно только раз в году. Там же надо как-то жить, как-то питаться. Говорят, какие-то пищевые культуры уже удалось вывести... но их очень мало. Что поделаешь.

Только я никуда лететь не хочу. Я хочу остаться в своём городе.

И моё желание сбывается.

— Меня зовут Ксений, — говорит мой спутник, пока мы куда-то летим по городу. — Я — сотрудник руководящей структуры города и твой личный куратор.

Только что он говорил мне «вы»!

— Я надеюсь, Родная, что общий язык мы найдём.

— Зачем мне куратор, если я лечу на Новую Землю? И зачем искать общий язык? — спрашиваю как бы не у него, а куда-то в пол нашего городского шаттла.

— Ты не летишь на Новую Землю.

Поднимаю на него глаза.

— Родная, Новой Земли не существует.

Чудесная тема для беседы в дороге.

— Я понимаю, что это шокирует, но, к

сожалению, все ресурсы и возможности Земли идут на то, чтобы как-то прокормить население, а совсем не на космические полёты. Потому избранные нужны для совсем другой работы.

Не понимаю. Если бы они хотели вербовать людей для создания искусственных пищевых продуктов, это можно было бы делать и без игры в лотерею.

— Надень вот это, пожалуйста.

Принимаю из рук Ксения предложенную гарнитуру. Хорошо, надеваю. Чувствую покалывание в ушах. Да, сканирование мозга, нам в школе что-то такое постоянно делали.

— Ты играешь на скрипке?

Ну само собой, что играю. Из моего мозга это прекрасно видно — наверное, бесчисленные упражнения по музыке проштамповались в нём ещё как.

— Тогда у меня для тебя есть превосходная работа.

Не знаю, что сказать. Он продолжает сам.

— Ты же не думаешь, что нечисть из древних сказок появилась на Земле просто так.

— А разве нет? — удивляюсь. — Ксений, но ведь сказки всегда базируются на правде. Может быть, когда-то нечисть существовала, потом утихла, а потом людей стало слишком много, и вот...

— Ну и вот, пришлось вспомнить старые

сказки и самим создать нечисть.

— Зачем?

— Чтобы контролировать количество населения Земли.

— Но почему нельзя было бы просто запретить рожать более чем одного ребёнка, и позволять при этом не всем?

Ксений вздыхает. Мы начинаем снижаться. Сейчас, судя по всему, окажемся вместе с нашим транспортом в каком-нибудь зале ратуши — все окна сделаны так, чтобы транспорт нормально проходил.

— Понимаешь, если людям что-то запрещать, они добровольно становятся чудовищами. Например, начинают всё-таки рожать детей, но убивать их сразу же после рождения — такое когда-то было едва ли не повсеместно у древнем государстве Китай.

— Обязательная контрацепция? — всё ещё не понимаю, что за чушь.

— Родная! Ты не понимаешь, что люди начинают творить в таком случае? Твоей сестре разрешают родить ребёнка, а если сестра умрёт, ребёнок перейдёт к тебе. И ты не убьёшь сестру?

— У меня брат.

— Да никакой разницы! Может, ты, сейчас, в шестнадцать лет, о таком и не подумаешь. Но поверь, когда начинается родительский, а особенно

материнский, инстинкт, люди и не на такое способны! Так что проще создать чудовищ самостоятельно. Чтобы люди не принимали таких решений — тех, которые лишают их человечности. И для создания чудовищ нам как раз нужны избранные.

Мы наконец-то оказываемся в довольно большом зале с разными приборами, аппаратами, кабинками. Разглядывать некогда. Я пытаюсь понять, что же говорит Ксений.

— Родная, пойми, если сделать человека чудовищем против его воли, он либо останется чудовищем навсегда, либо при первой же возможности попросится, так сказать, назад в люди. И поверь мне, среди людей это будет едва ли не самый добрый, самый искренний защитник слабых. Научиться человечности проще всего благодаря принудительному избавлению от неё.

— Я как раз ничего не понимаю. Вы хотите заставить меня убивать людей?

— Я хочу сделать тебя нечистойю.

Что за чушь он городит?

— Я серьёзно, девочка. Ты играешь на скрипке, это для тебя — жизнь. Ты получишь новую внешность, ты будешь играть на скрипке так же, как и раньше — просто это будет, так сказать, чёртова скрипка. И ты увидишь, что дальше будет, сама.

— Мне двенадцать лет кряду играть на скрипке? — это всё, что я могу ответить.

— Да нет, что ты. Через год ты снова станешь человеком и сможешь выбирать, планируешь продолжать эту роль или получишь новую.

Может быть, за мной приехал какой-то больной на голову? Наверное, да. Ведь вот так вот, спозаранку... Что-то он очень молод. Может, и вправду чей-то сыночек. Достал доступ к личным файлам будущих избранных, забрал меня с утра, пользуясь возможностями родителей, и вот...

— Садись, — говорит Ксений спокойно, указывая мне на креслице в ближайшей кабинке. И я сажусь. Почему-то ему невозможно возразить. Может, он правда сдвинутый — с чего бы ещё были такие глаза, столько ненависти в глазах!.. Но сказать «нет»?... Наверное, не могу именно потому, что ненависти слишком много.

На голове снова гарнитура, и я слышу какой-то странный звук. Слишком странный, чтобы с чем-то его сравнить. Но сравнить я и не успела бы — вырубаясь прямо в кресле. А когда открываю глаза, удивлённо смотрю на свои руки. Разве у меня были такие длинные пальцы?...

Ксений делает какой-то жест, и я, следя за его движениями, вижу возле кабинки зеркало. Да. Это я. Не то мальчик, не то девочка. Безусловно, мне всё ещё шестнадцать, вот только я не знаю, что

нужно было бы сделать с человеком, чтобы его привычные черты лица вот так вот вконец исчезли. Это просто другой человек, причём непонятно, какого пола. Пытаюсь ощутить себя — банально проверить, есть ли у меня привычные женские детали... Кажется, я вообще ничего не ощущаю.

Только тягу к музыке. Причём играть рядом с Ксением не могу, права не имею. У него такие глаза... Нельзя убивать того, у кого такие глаза. Убивать? Почему — убивать?

— Родная, — говорит Ксений, и голос его словно откуда-то издали доносится, — ты теперь — Чёртов Скрипач. Твоя жизнь — играть на скрипке. Ты не девочка и не мальчик, у тебя просто нет никакого пола, ведь Скрипачи не размножаются, да и друг с другом не особо общаются. Ты будешь бродить по городу, искать, где бы поиграть. Играй где-нибудь в людных местах, лучше всего — по вечерам. После того, как ты закончишь и все разойдутся, за тобой и твоей скрипкой кто-то да пойдёт, так и найдёт свою смерть. А ты будешь сытым Скрипачом, который уже на следующий же вечер сможет снова выходить на охоту. Человеческих потребностей у тебя нет, только нужно будет ложиться спать после каждого ужина. Ты найдёшь, где. Может быть так, что проспишь не сутки, а неделю или даже месяц — это неконтролируемо. Просто знай одно: через год,

ровно в этот же день, ты должна вернуться сюда, в эту комнату. Я — твой куратор. Я посмотрю, нужно ли тебе оставаться Скрипачом на следующий год. Вот твоя скрипка. Иди.

Почему я его слушаюсь?...

Я молча беру скрипку из его рук и выхожу из зала. Иду по коридору. Вижу людей, но это не те люди, которые мне нужны. В их глазах — такая же ненависть, как и у Ксения. Я не должна играть таким людям.

Выход нахожу как-то на ощупь, что ли. И вот, иду по улицам города, иду как можно дальше — сегодня не надо охотиться возле ратуши, там слишком много новичков будет, они себя контролируют хуже, чем я. Просто знаю это, ну вот знаю — и всё. Понимаю где-то там, в глубине души, что, кажется, меня во что-то превратили. И мысли это всё не той девушки, которой я была — мысли того существа, которым я теперь стала. Я себе прежней больше не родная — я себе теперь чужая. И это совершенно не важно притом.

Не устаю. Кажется, я могу идти вечно. Но вот она, маленькая городская площадь. Я достаточно далеко от ратуши, тут можно. И я знаю, что ещё не вечер. Ещё утро. Но я должна играть. Наверное, буду играть весь день.

Древняя классика — Паганини, Чайковский... Всегда любила играть «Щелкунчика» на скрипке. И

Леонтовича можно, между прочим. А можно и более позднюю классику — Энигму, Брайана Молко, Кэрол Довинь, Лизу Марсову. Или ещё более близкую к нашему времени — Аниту Доро, Стаску Чтоигде, Стивена Мэдисона, Вирджинию Новак. Или современную — Анну Бойко, Кралика Белого...

Играть можно вечно. И я теперь понимаю, зачем когда-то была девочкой по имени Родная. Просто чтобы играть на скрипке. Может быть, и играла я так себе, но теперь... но теперь я играю совершенно. Вот сколько денег уже в футляре скрипки. Вот сколько людей стоит. Они стоят, слушают, а я ловлю, ловлю, ловлю их жизни.

Вот девушка — светлые волосы, зовут Янинкой, одета в синее. Через неделю она встретит парня — его зовут Морен, он музыкант, как и я. Играет на фортепиано — причём на древнем рояле или пианино, даже не электронных, а настоящих, и на имитаторе для слепых... Да, ведь он слепой, и как играет на древнем рояле — не знаю. И Янинка знать этого не будет. Но он же играет. И она больше не сможет без него жить. Они будут жить вместе, и она будет водить его за руку на вечера, на которых он будет играть музыку очарованным слушателям. У них родятся дети — девочка, похожая на маму, и мальчик, вылитый папа, но не слепой...

Янинка не встретит теперь своего музыканта. Не встретит, ведь другой музыкант покори́л её сердце — это я. Она слушает мою музыку, и только моя музыка теперь будет играть всегда. Через два года она умрёт, встретив упыря за углом собственного дома. Просто не заметит его, ведь будет слушать у себя в голове мою музыку. Ни девочка, ни мальчик не родятся. Морен останется один на всю жизнь — ведь кому он нужен, такой слепой, хотя и такой прекрасный музыкант. Может быть, случайные романы, но детей не будет. Я спасаю мир от перенаселения. Моя музыка — спасает.

Янинка слушает мою музыку эдак часа два — потом у неё звенит коммутатор, и она всё-таки уходит, хотя с такой грустью на лице, что я вижу — слушала бы вечно. Ничего! Я вижу Констанцию и Константина. Они лучшие друзья, им — по семнадцать. Через пару лет они поймут, что жить друг без друга не могут. Пройдут рука об руку через всю свою жизнь, родят пятерых. Может, даже шестерых, чётко не вижу, всё зависит от того, когда Константин погибнет — причём даже не от нечисти, просто авария на работе. Констанция и Константин — дети двух лучших подруг, поэтому и общаются с детства. Больше нет, больше близко общаться не будут.

Константин видит во мне девушку. Настолько

прекрасную девушку, что Констанция кажется ему совершенно скучной, бледной, неинтересной. Он смотрит только на меня, на прекрасную скрипачку. Он думает только обо мне. Сегодня вечером он будет идти вот так вот по улице, мечтая обо мне, не о Констанции. И — вот ведь судьба! — погибнет не из-за нечисти. Он просто ступит в пропасть. Ну, не в пропасть, а в яму, строительство рядом с его домом. Сломает шею.

А Констанция видит парня. Прекрасного юношу. Зачем ей теперь Константин? Они пойдут домой разными дорогами. Констанция будет мечтать обо мне. Она дойдёт до дома. Она даже ляжет спать. А уже завтра узнает о гибели Константина. Не страшно, он ей больше не нужен. Через несколько лет она найдёт себе скрипача, профессионального скрипача, слегка похожего на меня. Он думает только о музыке. Ему не нужны дети. Она родит одного мальчика, но тот умрёт ещё в детстве — слишком много его отец увлекается разными вещами, позволяющими ему лучше играть. Слишком плохо это всё повлияет на мальчика. Констанция проживёт свою жизнь — большую её часть в одиночестве. Ведь её скрипач умрёт ещё не старым. Она будет вспоминать меня до конца жизни. Ни пятерых детей, ни шансов у скрипача встретить женщину, которая станет матерью трем девочкам, две из которых выживут. Не станет.

Теперь — не станет.

Ещё четыре часа прошло.

Смеркается. Сейчас рано смеркается, такое время года. Можно потихоньку идти. И я складываю скрипку в футляр.

Констанция и Константин расходятся по разным дорогам. А ко мне подходит человек — среднего возраста, с умным лицом. У него уже есть две дочери, но он собирается жениться во второй раз, на ком-то помладше, и намеревается стать счастливым отцом для большой семьи. Вот так вот сразу! Когда умрёт, одна из его дочерей — та, которая должна была счастливо выйти замуж, — наложит на себя руки в силу слишком сильной любви к отцу и чувства утраты. А вторая... а что вторая, у неё будет один ребёнок, может быть, двое. Не страшно.

— Можно проводить вас домой, если вы уже уходите? — он видит во мне юную, прекрасную девушку. У него нет конкретной молодой невесты. Он просто уже точно решил — подсознательно, конечно, — найти её. И вот она — я!

Я беру его под руку. В другой руке держу скрипку в футляре — к инструменту прикоснуться не позволю, понесу сама. Это — моё оружие. Никому не дам его отобрать, даже на минуточку.

Мы какое-то время идёт молча, а потом я заворачиваю за угол какого-то дома. Окна в нём не

светятся почти нигде — ещё никого дома нет.

— Сыграть вам? Лично вам?

— Сыграть, — он смотрит на меня, не отрывая глаз.

Он всегда мечтал улететь на Новую Землю, но лотерея до сих пор его не избрала. Он уже перестал надеяться. Может, жребий и не падёт на него никогда. Он пытается выстроить себе жизнь на старой Земле.

Он мечтал стать художником, но так и не смог ровно держать кисть в руках, сплошные кривые линии. Врачи сказали, какие-то проблемы с нервами. Он верил, что когда-нибудь всё изменится, но что и когда, не знал, просто верил. Он слышит теперь меня, слышит удивительный микс из музыки разных времён, который я играю. Он верит. Верит с ещё большей силой. Он верит — счастье есть. Счастье будет.

Я не знаю, есть ли счастье по ту сторону. Но когда он падает бездыханным — музыка, которую играет Чёртов Скрипач лично, убивает всегда, — я спокойно захожу в дом. Поднимаюсь на технический этаж. Буквально две ноты на скрипке, которую я не прячу в футляр — и вот, двери для меня открылись. Тут можно спать неделю. После такого дня мне нужно поспать неделю...

Я сплю, и я — скрипка! Я — музыка, которая льётся из неё! Я — счастье, пронизывающее всех,

кто меня слышит! Счастье, легко доводящее до смерти, переводящее через мостик жизни наискорейшим образом, и теперь можно, наконец-то, освободить перенаселённую Землю от своего присутствия — чем не счастье?

Я убила всего лишь одного человека за неделю, а потом, наверное, буду убивать ещё меньше. Да и зачем больше? Пятеро в год, контракт — двенадцать лет. Кроме тех, кто остался нечистью, постоянно работает шестьдесят представителей нечисти на город. У нас большой город. Мы убиваем понемногу. Самое главное — даже не убить, а просто уничтожить возможности. Янинка не станет матерью. Констанция с Константином не создадут семью. А этот мужчина, погибший... как его звали? Кажется, я его вместе с именем съела... этот мужчина, он бы стал отцом ещё нескольких детей с кем бы то ни было, его необходимо было убить. Оборвать его жизнь...

Я — скрипка! Я — то, что ведёт за собой и делает всё гораздо проще! Я — скрипка, потому я просыпаюсь через неделю и иду искать для себя новую площадь.

Людей много. В нашем городе — очень много. И они бродят по улицам, и когда слышат Чёртова Скрипача, то не могут не остановиться, не послушать. Чёртов Скрипач играет для всех. Те, кто попадётся в мой плен, не создадут семьи. Те, кто

пойдёт за мной, не выживут.

Я сплю по чердакам и по подвалам. Я обнимаю скрипку во сне. Такая жизнь — счастье. Счастье первые полгода. А потом я начинаю ненавидеть всё то, что делаю. Ненавидеть тех, кто умирает — почему они умирают? Неужели им не хватает собственной жизни, неужели не к чему возвращаться?! Почему они останавливаются и слушают?! А ещё я ненавижу тех, кто остаётся жив. Ведь я не в силах выесть их жизнь...

Но однажды я, не просыпаясь, начинаю идти куда-то по улицам города. Всё дальше и дальше. С закрытыми глазами. Кажется, несколько раз я кого-то сбила. Несколько — даже ударила кого-то скрипкой. Неважно. Мне нужно прийти туда, где тот человек с ненавистью в глазах. И я дохожу.

Только в глазах его не ненависть, я это вижу, ведь мои собственные глаза наконец-то начали открываться. В его глазах — страх. Он на меня смотрит с опаской, словно не понимает, что это к нему пришло такое. А я молча захожу в кабинку и сажусь в креслице. Только тогда наконец просыпаюсь. Он замечает и напряжённо улыбается:

— С днём рождения, Родная.

Семнадцать

— Во-первых, между прочим, — говорит

Ксений, — ты не туда села. В этой кабинке мы человека превращаем в нечисть, а не нечисть в человека.

Послушно выхожу из кабинки. Удивляюсь: страх в его глазах словно бы блокирует меня, не даёт ни достать скрипку из футляра, ни даже подумать о том, чтобы заиграть. Быстро отдаю ему футляр:

— Держите. Я всё.

Он несколько удивлённо вскидывает брови, а потом указывает мне на какой-то аппарат — кажется, туда надо ложиться, как при сканировании мозга. Ложусь. Слушаю тарахтение механизмов — недолго, минут эдак пять. Затем, услышав, что Ксений меня зовёт, вылезаю наружу.

Чудеса возможны! Настоящий мир — существует! Я больше не Чёртов Скрипач! Я нормальная девушка, которой, между прочим, исполнилось семнадцать лет, и теперь я могу чувствовать! Ощущать себя! Настоящим человеком!

— Но почему вы превратили меня в человека? Всего только год прошёл, — говорю, — у меня было хорошее чувство времени.

— Тебе же надо записать сообщение для родных, — терпеливо объясняет мне Ксений, — ла и проверить, нужно ли тебе дальше быть Чёртовым Скрипачом. Как бы твоё «я всё», когда ты отдавал

мне футляр, было, знаешь ли, конкретным «нет».

В принципе, да. Это было конкретное «нет». Только не Чёртовым Скрипачом. Он вообще какой-то неживой. Не парень и не девушка. Спит на чердаках и под домами. Уничтожает своей музыкой.

— Никогда больше не возьму в руки скрипку, — говорю честно. Абсолютно в этом уверена.

— Посмотрим, — говорит Ксений. — А теперь давай — вот ванная комната, приведи себя в порядок, найдём тебе какую-нибудь одежду, и запишешь родителям сообщение.

Одежда, вот точно. Когда я год назад превращалась в Чёртова Скрипача, одежда моя куда-то пропала, на её месте появилась более уместная — чего стоил один только чёрный плащик!.. И не пачкался практически — по моим ощущениям, самоочищался, когда я на скрипке играла. Наверное, с ним работала человеческая энергия... Теперь вот плащика нет.

— Аппарат перерабатывает всё лишнее, — Ксений объясняет всё вполне терпеливо, как и раньше, но я вижу, насколько же он на самом деле молод, ему сложно быть куратором, что-то объяснять семнадцатилетней девочке, которая только что перестала быть Чёртовым Скрипачом. Решаю не задавать лишних вопросов даже

взглядом. Тем более, что он смотрит на меня голую, потому, наверное, и старается держать взгляд «глаза в глаза». Тут бы мне стесняться, а не ему, но я так рада, что у меня наконец-то человеческое тело, что стесняться не собираюсь.

Счастье-то какое! Нет, правда! Я снова девушка! Я — не существо без пола и разума, я живу не только благодаря инстинктам! Играть — искать место — спать — искать место... Кошмар. Как я прожила год — не понимаю. Стараюсь не думать о том, что придётся как-то жить дальше — я больше не буду Чёртовым Скрипачом, это же самое главное. Я не хочу — и я не буду, это же и вправду счастье. Право выбора, даже в ситуации, когда тебя превращают в чудовище! Я так счастлива снова ощущать себя человеком, что счастье просто невероятное. Ну разве я знаю сейчас хоть одно слово, кроме «счастье», которое постоянно повторяет моя восстановленная человеческая личность?...

И вот я снова в зале. Ксений усаживает меня на удобный диванчик, показывает на аппарат для съёмки.

— Запиши сейчас пару минут послания. Сегодня якобы прибывает шаттл, он, так сказать, привезёт твоё письмо.

Шаттл! Сегодня прибывает шаттл моего счастья! Пытаюсь успокоиться, потом понимаю,

что моё счастливое лицо как раз станет поводом радоваться моей родне: у тебя тут, значит, всё в порядке. Так что спокойно говорю в камеру:

— Мама, папа, братик, привет. Жаль, что шаттлы ходят только раз в году, а то бы я отправляла вам сообщения чаще, вы уж меня простите. Тут всё нормально. Конечно, работа достаточно тяжёлая, но ничего такого, чего бы я не могла выдержать — не переутомляюсь. Просто порой очень хочу домой. Но, наверное, потому, что скучаю по вам.

Вдруг вспоминаю свои чувства, когда моя скрипка привораживала людей. Когда я, именно я становилась их судьбой... Как могу, высказываю это улыбкой радости.

— На самом деле это очень, очень хорошо — делать что-то серьёзное для того, чтобы спасти Землю от перенаселения. Конечно, пока что временами это даже грязная работа... но она того стоит! Так что ждите меня. В следующем году я пришлю новое сообщение! Удачи!

Ксений кивает: да, мол, достаточно. Выключает аппарат.

— Тебе правда понравилась... грязная работа? — спрашивает он медленно, словно бы подбирая слова.

— Она нравилась Чёртову Скрипачу, — говорю честно и искренне. — А Родной — нет. Но

родителям же не надо о таком знать, верно?

Ксений кивает.

— Есть хочешь? Я имею в виду человеческую пищу.

Конечно же, хочу! Фактически вылетаю впереди него из зала. Ксений едва успевает указывать «направо», «налево»... Наконец-то заходим, кажется, в кафе, где завтракают сотрудники ратуши. Сейчас занято буквально два столика, и за обоими сидят по двое. Наверное, точно так же избранные с кураторами... Решаю об этом не думать. Хотя и любопытно было бы поговорить с другими избранными — пока что это не настолько интересно, как наконец-то нормально поесть.

— У тебя день рождения. Тортик?

— Стейк! — показываю зубы. — Больше мяса! Разве я мало убивала?

— Оно всё равно синтетическое, — пожимает плечами Ксений.

— Но оно копирует настоящее!

Ну что же, мне приносят стейк, и мы сидим какое-то время молча — просто едим.

— Скажи, — спрашивает Ксений, — чего тебе хочется сейчас?

— Освободиться от этого всего, — отвечаю честно.

— Это никак не получится. Ещё одиннадцать

лет контракта. Я о том, кем теперь тебя делать.

— А разве это не определяет сканирование мозга?

— Куратор может внести свои коррективы. Сообразно пожеланиям избранного.

Как всё демократично! Смеюсь: коррективы, сообразно пожеланиям... Ха! Нас отправляют убивать людей и их возможности, убивать чью-то любовь, чьих-то нерождённых детей... Но при этом — сообразно пожеланиям!

— Мне надоело убивать при помощи инструмента, к тому же — убивать не всех, — говорю наконец. — Ну что это значит — убивать только тех, кому никак не помешаешь? Если уже уничтожаешь человека, то не только его возможности! Убивать значит убивать! Если уже не быть человеком, то лучше уже диким зверем, чем каким-то там Чёртовым Скрипачом!

— Я понял, — лицо Ксения непроницаемо, хотя я всё равно замечаю в глазах его страх — где-то в глубине. — Родная, ты будешь оборотнем.

— И обращаться при полной луне? — вспоминаю старые сказки.

— Каждую ночь, если только захочешь. Луна будет, так сказать, у тебя в голове.

Молчу. Ем дальше. Оборотнем. Волком? Волки — милые существа, по крайней мере на картинках. Ну да, у них нет человеческих чувств, но